

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-221-233>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. И. Н. Коржова

г. Москва, Россия

**«ХЛЕБ ПОПОЛАМ, КРОВ ПОПОЛАМ...»:
МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОСМЫСЛЕНИЯ ДРУЖБЫ
В ПОЭЗИИ К. СИМОНОВА**

Аннотация: В статье рассмотрены стихотворения К. Симонова, посвященные теме дружбы. Их объединяет высокая устойчивость семантики, лейтмотивных связей и речевого воплощения. Наиболее крепким является соединение тем дружбы и смерти. Не общность взглядов и сходство характеров, а единство испытаний, прежде всего смертью, составляет основу товарищества. В описании жизни друзей повторяется действие разделения хлеба, реже — напитка. Устойчивость этого компонента, осмысление его как действия, скрепляющего дружбу, переводит его из бытового плана в ритуальный и требует обращения к мифопоэтическому подходу. В статье исследуются религиозные и народные варианты обряда преломления хлеба, учитывается отражение этого знакового действия в советской поэзии. Исследование позволяет прийти к выводу, что поэт не воспроизводит какой-либо реально существовавший обряд, но в своем творчестве опирается на доминирующую в народном сознании связь хлеба с коллективной судьбой, долей. Дружба мыслится К. Симоновым как приобщение к коллективной судьбе. С этим связана деиндивидуализация образа друзей и отмеченное в ряде стихотворений противопоставление дружбы личностной категории любви.

Ключевые слова: К. Симонов, дружба, доля, ритуал, образ дома, преломление хлеба, двойники, близнецный миф.

Информация об авторе: Инесса Николаевна Коржова — кандидат филологических наук, доцент, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Ленинградский проспект, д. 80, 125190 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6368-6888> E-mail: clean24@yandex.ru

Дата поступления: 03.12.2020

Дата одобрения рецензентами: 14.01.2021

Дата публикации: 28.03.2022

Для цитирования: Коржова И. Н. «Хлеб пополам, кров пополам...»: мифопоэтический аспект осмысления дружбы в поэзии К. Симонова // Вестник славянских культур. 2022. Т. 63. С. 221–233. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-221-233>

Категория дружбы — одна из ключевых в поэтическом творчестве К. Симонова, однако часто она оказывалась в тени других тем — мужества или войны. Глубокие суж-

дения о сущности товарищества в произведениях К. Симонова принадлежат И. Л. Вишневской. Отталкиваясь от анализа отношений героев пьесы «Парень из нашего города», она заключает: «Друзья в творчестве Симонова распоряжаются друг другом так же, как могли бы они распорядиться каждый собой, они целиком принадлежат друг другу. Такое понимание дружбы — это снова и снова проводимая Симоновым мысль о полном слиянии людей в товариществе, о том, что их уже нельзя разделить. И нельзя благодарить друг друга за хорошее, как нельзя благодарить себя самого» [5, с. 58]. К сходным выводам мы приходим, опираясь на иной материал и пользуясь иными методами.

Тема дружбы объединяет стихотворения, написанные К. Симоновым на протяжении сорока лет и обнаруживающие удивительное постоянство мотивов и даже словесных формул. Нами будут исследованы компоненты этого устойчивого тематического комплекса и раскрыта мифопоэтическая основа его ведущих лейтмотивов. Категория дружбы хронологически не первая и даже не ранняя в творчестве поэта. Герой молодого К. Симонова — романтический одиночка, его манит путь — понятие, которое в те годы венчало систему ценностей поэта. В «Дорожных стихах» (1939) дружба прямо жертвуется зову открытых дорог:

Нам всем, как хлеб, нужна привычка
Других без плача провожать,
И весело самим прощаться,
И с легким сердцем уезжать.
[11, с. 87]

Первый текст об ином понимании товарищества относится к раннему периоду, он появляется в связи с предчувствием войны, в рамках так называемой оборонной поэзии. В стихотворении «Однополчане» (1938) основой дружбы становится общность судьбы: «В окоп мы рядом попадем» [11, с. 78]. Это единство проявляется даже в таком, казалось бы, нежелательном и маловероятном факте, как одновременное ранение. Важно, что дружбу скрепляет не совпадение индивидуальных черт героев, а внешние силы: «Святая ярость наступленья, / Боев жестокая страда / Завяжут наше поколенья / В железный узел, навсегда» [11, с. 78].

В этом произведении поэт впервые противопоставляет мирное и фронтовое товарищество, хотя изображает оба типа через совместно совершаемые действия. Новые друзья «Не те, с которым зубрили / За партой первые азы <...> / Мы с ними не пивали чая, / Хлеб не делили пополам» [11, с. 77]. Примечательно, что военная дружба скрепляется схожими действиями: «Поделим хлеб и на завертку / Углы от писем оторвем. // Пустой консервную жестянку / Воды для друга зачерпнем» [11, с. 78]. В обоих случаях наряду с общением с письменным текстом (учебники или письма) и бытовыми процедурами (бритье, оборачивание ног портянкой) упоминается разделение воды и пищи. Пока это действие входит в оба ряда, высокий военный и бытовой, и очевидно не оценивается как сакральное. В дальнейшем же факт разделения хлеба, реже напитка, становится в поэзии К. Симонова знаковым, обретает черты сконструированного автором ритуала.

Новое понимание дружбы также через сопоставление с отношениями мирного времени дано в стихотворении «Механик» (1939), входящем в монгольский цикл «Соседям по юрте». Поэт прямо сравнивает военное товарищество с дружбой героев-путешественников, описываемой им ранее: «Нет, когда мы справлялись об опозданье, /

Выходили встречать к “Полярной стреле”, / Нет, мы с вами не знали цены ожидания — / Ремесла остающихся на земле» [11, с. 105]. Отметим, что «Полярная стрела» в ранних произведениях своего рода маркер прославляемого образа жизни. Очевидно стремление автора подчеркнуть, что он говорит о совсем ином явлении, нежели то, что скрывалось за словом «дружба» раньше. Эмоциональная сдержанность, зарождение отношений перед лицом смерти и испытание ею — вот те черты, которые будут определять подлинную дружбу на протяжении всего творчества поэта.

Нарушая хронологический принцип, обратимся к послевоенной лирике К. Симонова. Она позволяет понять, что соединение тем дружбы и смерти не просто было временным соседством, вызванным войной, а составило устойчивый тематический комплекс. В стихотворении «Зима сорок первого года...» (1956) поэт придает своей мысли афористичную формулировку: «Хоть шоры на память наденьте! / А все же поделишь порой / Друзей — на залегших в Ташкенте / И в снежных полях под Москвой» [11, с. 278]. Отметим цитатный характер последней строки, которая отсылает к стихотворению А. Суркова «Бьется в тесной печурке огонь...»: «Про тебя мне шептали кусты / В белоснежных полях под Москвой» [13, т. 2, с. 367]. Эта фраза напоминает о дружбе, обретенной на войне и запечатленной в одном из лучших стихотворений поэта «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...». Но понятие дружбы обогащается не только за счет собственно симоновского претекста, но и благодаря включению чужого слова. Ведь именно в указанном с помощью неточной цитаты стихотворении А. Сурков дал емкую формулу жизни перед лицом опасности — «до смерти четыре шага». Общее испытание близостью смерти выявляет истинных друзей в стихотворении К. Симонова.

Неразрывность связи тем войны и дружбы в собственном творчестве будет осмыслена К. Симоновым в одном из поздних стихотворений «Не пишется проза, не пишется...» (1970–1971). Память, воскрешая образы прошлого, «Рифмует “товарищ” с “пожарищем”» [11, с. 297]. Отметим, что стихотворение, казалось бы, вовсе не говорит о дружбе, оно посвящено войне во Вьетнаме, но связь тем столь крепка, что одна не мыслится без другой.

Рифма «товарищ — пожарищ» характерна как свидетельство сопряжения ключевых для К. Симонова тем войны и дружбы, хотя приведенная цитата парадоксальна, ибо в ней поэт не использует обозначенную рифму. Всего же К. Симонов обращался к этому созвучию в своем творчестве трижды. Впервые в стихотворении «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» (1941): «По русским обычаям, только пожарища / На русской земле раскидав позади, / На наших глазах умирают товарищи, / По-русски рубаху рванув на груди» [11, с. 122]. В любовном стихотворении «Пусть прокляну впоследствии...» (1942) пожарищем названа захватившая героя страсть. Кроме того, К. Симонов использовал исследуемую рифму в полушутливом стихотворении «Футон» (1946). Очевидно, что в 1940-е гг. К. Симонов не связывал рифму исключительно с военной тематикой и даже использовал ее в юмористически сниженном контексте.

«Семантизация» рифмы произошла в поэзии современников К. Симонова. Данные Национального корпуса русского языка (поэтического корпуса) позволяют говорить, что рифма «товарищ — пожарищ» (в разных словоформах) принадлежит исключительно XX в. В дореволюционную пору к ней обращались А. Блок («Солнце сходит на запад. Молчанье...»), «Словно молнии луч, словно гром из туч...»), А. Белый («Как дитя, мы свободу лелеяли...»), В. Брюсов («Опять душа моя расколота...»). Она не была ни идеологически, ни даже тематически маркирована. В годы Великой Отечественной войны исследуемую рифму использовал П. Антокольский («Новогодняя ночь»),

А. Сурков («Посторонним»), Н. Глазков («А ты иди среди пожарищ...»), Вс. Багрицкий («Одесса, город мой!»), Вс. Рождественский («Партизаны»). Интересно, что к ней обратился С. Кирсанов в полемическом стихотворении «Не жди меня», возможно, она ассоциировалась у автора именно с лирикой К. Симонова.

После войны к рифме многократно обращался Б. Слуцкий. В эти годы, очевидно, и произошла окончательная семантизация, поскольку после 1950-х гг. использование созвучия «товарищ — пожарищ» в Национальном корпусе русского языка (поэтическом корпусе) не зафиксировано: оно не вышло за границы военной темы. Думается, значительную роль в этом процессе сыграла широко известная песня на стихи И. Френкеля «Давай закурим...» с припевом «Об огнях-пожарищах / О друзьях-товарищах».

Лейтмотивом стихотворений К. Симонова о дружбе стало описание разделения хлеба или напитка. Эти действия по преимуществу сохраняют конкретику, не становясь метафорой, но приобретают знаковый характер, что позволяет рассматривать описанное как авторский ритуал скрепления дружбы.

В культуре народов Европы и на мусульманском Востоке тысячелетия назад и в политической жизни XX в. совместная трапеза была знаком дружественных отношений. Широкий обзор этих традиций представлен в статье А. Горбовского «Магия и власть». Автор заключает: «Причастники одного стола, участники единого ритуала, члены одного круга. Вступивший в этот круг — свой. Недоброжелатель или враг эту черту преступить не может. С ним за один стол не садятся. И наоборот. Человек, который ел или пил с другим или в его доме, уже не посторонний, не чужой и тем более не враг» [6]. Заметим, что в суждении А. Горбовского отражена не одна, а две роли трапезы. Разделение пищи может быть как знаком уже сложившихся отношений, так и ритуалом, устанавливающим дружеские связи.

Ни официальная религиозная, ни народная культура восточных славян не знала обряда, в ходе которого товарищество скреплялось бы преломлением хлеба. Хотя сама практика закрепления дружеских отношений существовала. Но обряд братания предполагал иной комплекс действий и мог лишь завершаться общей трапезой: «Существенным ритуальным моментом, присутствующим практически во всех видах обряда побратимства, является обмен теми или иными предметами <...>. У русских и вообще восточных славян менялись чаще всего тельным крестом, иногда иконой <...>. Часто ритуал требовал совместной трапезы или взаимных угощений в доме каждого побратима, питья вина...» [14, с. 47].

При этом в русской культуре знаковое понимание разделения трапезы существовало в нескольких сферах: бытовой, религиозной и народно-обрядовой — и в каждой получило специфическое осмысление. Практика общей трапезы как знака дружественности входила в быт допетровской Руси. Она проявляла себя и в дипломатической сфере, чему уделяет большое внимание в своей монографии Л. Я. Юзефович [16], и в частной, о чем говорит совет в «Домострое»: «Да еще недруга напоити и накормити хлебом и солью, ино вместо вражды дружба» [7, с. 145]. Однако в этих случаях речь идет о знаковом, но не жестко регламентированном поведении.

В то же время преломление хлеба составляет одно из таинств христианства — евхаристию. Ритуальное вкушение хлеба и вина символизирует соединение с Богом и через него с Церковью и братьями во Христе. Но устанавливаемые связи прежде всего вертикальные или действуют при наличии вертикали.

Наконец, разделение хлеба составляет часть народной культуры. Изучение бытовых и ритуализированных практик обращения с хлебом позволило А. Б. Стра-

хову сделать широкие выводы о символическом характере хлеба в народной культуре: «В бытовое обращение с выпеченным хлебом спроецированы важные элементы общего мирозерцания славян, их ценностной иерархии. Правила дележа и поедания хлеба (как бытовые, так и усвоенные из быта окказиональными и календарными обрядами) основаны на вере в тождественность Доли (человека, рода) и доли (куска, буханки) хлеба» [12, с. 177].

Стоит упомянуть и братчину, общий пир, устраиваемый в складчину, который также может быть одним из источников авторского симоновского мотива преломления хлеба как утверждения дружбы. Семантика этих пиров была связана с утверждением горизонтальных социальных отношений. «Празднично-игровая коммуникация старшего поколения внутри сельской общины <...> была направлена на подтверждение устоявшихся социальных статусов и кровнородственных связей через приобщение к “общей доле”, воплощенной в обрядовой пище» [8, с. 208]. Но ритуального преломления хлеба не знает и эта форма традиционного поведения.

Таким образом, в поэтическом мире К. Симонова настойчиво воссоздается некоторое ритуальное действие, которое закрепляет, потенциально пожизненно, связь участников. И хотя прецеденты этого ритуала отсутствуют в народной культуре, поэт опирается на ее ценностные символы. Характерно, что для описания преломления хлеба поэт использует схожие словесные формулы, чаще всего включая в них глагол «делить». Мы уже говорили, что товарищество сплавивается именно единством пути, очевидно, «ритуал» разделения хлеба выражает и закрепляет тождественность доли как основу дружбы.

Обращение к военной поэзии свидетельствует, что преломление хлеба как ритуальное действие почти не встречается у других поэтов. И. Уткин дважды включает этот образ в сравнения (следовательно, все же ощущает его знаковую природу): «Мы нашу славу и труды, / Как честный хлеб, с народом делим» [15, с. 212] («Комсомольцу», 1941), «Опять нелегкий труд победы, / Как хлеб, мы делим пополам» [15, с. 218] («Советской женщине», 1941). Оригинальное соединение идеи разделения судьбы и братания представлено в стихотворениях А. Суркова. Прочитаем некоторые из них: «Мы побратались возрастом в бою, / Помножив мой сорокалетний опыт / На твой порыв и молодость твою» [13, т. 1, с. 319] («Луна висит над опаленным садом...», 1942; посвящено К. Симонову), «Окрепил мы, / Радость и горе по-братски деля» [13, т. 1, с. 374] («Весна на фронте», 1943), «Ближе кровного брата и сына родного родней. / Их война побратала суровой солдатской судьбой» [13, т. 1, с. 380] («Генерал», 1943). Слово «делить» А. Сурков использует все же метафорически, разделенными оказываются абстрактные категории. Интереснее оборот «побрататься чем-то», в большей степени сохранивший внутреннюю форму — указание на обряд.

Необходимо отметить возможный прецедентный текст, появившийся задолго до Великой Отечественной войны и посвященный событиям войны Гражданской. Речь идет о стихотворении «Товарищ» (1929) А. Прокофьева. Рефрен произведения содержит описание знакового действия: «Мы старую дружбу ломаем, как хлеб! / И ветер — лавиной, и песня — лавиной... / Тебе — половина, и мне — половина!» [9, с. 99]. При повторе образ чуть изменен, друзья делят хлеб с солью, само это сочетание имеет в русской культуре характер символа. Повтор четче помогает понять и прагматику действий, превращая бытовой жест в ритуальный, соединяющий: «Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам, / Мы хлеба горбушку — и ту пополам» [9, с. 99].

Укажем упоминания «ритуала» преломления хлеба или разделения напитка в поэзии К. Симонова. «Он кров с тобой не разделяет, / Из фляги из твоей не пьет» [11, с. 130] («Смерть друга», 1942); «На два глотка вино / Ты раздели по-братски» [11, с. 138] («Фляга», 1943); «И раненый слезу стирает / И режет пополам свой хлеб» [11, с. 145] («Слепец», 1943); «Разломим хлеб на три куса, / Поделится между собою» [11, с. 145] («Три брата», 1943); «Хлеб пополам, кров пополам — так жизнь в ту ночь открылась нам», «Хлеб не поделит пополам, / Солжет или изменит нам» [11, с. 153] («Дом в Вязьме», 1943); «Но стоит встретиться с тобой — / И я хочу <...> Чтoб ты со мной делила хлеб» [11, с. 192] («Когда на выжженном плато...», 1942); «Умирают друзья, умирают... / Из разжатых ладоней твоих / Как последний кусок забирают, / Чтo вчера еще был — на двоих» [11, с. 284] («Умирают друзья, умирают...», 1970); «С кем, с живым ли, с мертвым — все равно, — / Хлебом правды по привычке делимся...» [11, с. 306] («Вот тебе и семьдесят, Самед!..», 1976). Отметим, что описываемое действие порой может теряться среди бытовых деталей. Но как раз эта буквальность, отказ от перевода в метафорический план наряду с повторяемостью позволяют видеть в действии поэтическое конструирование некоторой окказиональной ритуальной практики.

В ряде стихотворений «ритуал» соединяет героев, находящихся по разные стороны жизни. В стихотворении «Фляга» друг кладет в могилу убитого товарища флягу, оставляя на дне последний глоток. Сон покойников будет нарушен в день победы: «Чтoб в день победы смог / Как равный вместе с нами / Он выпить свой глоток / Холодными губами» [11, с. 139]. Победа уравнивает мертвых и живых. Вообще, в лирике поэтов военной поры с ее всплеском мифопоэтических начал победа, безусловно, имеет особый сакральный статус, нарушает обыденное течение времени.

В стихотворении «Смерть друга» идея разделения присутствует не только в описании скрепляющих дружбу действий. После гибели товарища герой становится наследником их общей памяти и даже внутренних качеств друга. К. Симонов развивает идею перераспределения духовного опыта, описывая это как многократно повторяющееся действие, совершаемое после каждой потери: «Все тяжелее груз наследства, / Все уже круг твоих друзей...» [11, с. 130]. Метафоры позволяют изобразить долю, судьбу как нечто материально осязаемое, весомое, становящееся непосильной тяжестью с каждой новой смертью:

Когда же ты нести не сможешь,
То знай, что, голову сложив,
Его всего лишь переложить
На плечи тех, кто будет жив.

[11, с. 130]

Укажем, что в этом случае К. Симонов хотя и отходит от буквальности ритуала, особенно глубоко постигает основы народного мышления, для которого доля представлялась категорией коллективной и неизменной в своем объеме. Согласно исследованиям О. А. Седаковой [10] и А. К. Байбурина [3], эти представления отразились в разделении хлеба в рамках похоронного обряда: «Поминальную трапезу можно рассматривать как распределение доли покойного между живыми. <...> В Минской губ. перед днем поминовения печется “здорный хлеб”. Этот хлеб разрезается на части по числу семейств в деревне и разносится по домам накануне праздничного дня» [3, с. 118]. Снова К. Симонов не воссоздает народный обряд, но выбором метафоры демонстрирует ценностное единство с народными представлениями.

Если в стихотворении «Памяти друга» доля умершего остается на земле, то в стихотворении «Умирают друзья, умирают...» смерть, напротив, забирает и часть, принадлежащую живым: «Как последний кусок забирают, / Что вчера еще был на двоих» [11, с. 284]. Удивительно умение позднего К. Симонова соединять устойчивое значение фразеологизма со свойственными собственному поэтическому миру смыслами. Слово «кусочек» вызывает ассоциации с хлебом, а признание «на двоих» служит отсылкой к ритуалу скрепления товарищества. Но фразеологизм «последний кусочек» говорит о скудности жизни. С учетом же народного обряда выделения удела-доли получается, что в некотором смысле друг теряет свою долю, т. е. буквально становится обездоленным.

Вообще, в симоновском понимании товарищества идея разделения-уравнивания является ключевой. Действие может переходить с пищи на другие объекты, также материальные. В стихотворении «Ночной полет» (1944) говорится о рейсе через Адриатику с незнакомыми летчиками. Страдая от недостатка кислорода и завидуя экипажу, герой только утром узнает: «Приборов в самолете три, / А нас в полете четверо; // Стакнулся с штурманом пилот / До вылета заранее, / И кислород не брали в рот / Со мною за компанию» [11, с. 155]. Обычно «за компанию» люди производят действие, но здесь «обряд» инверсируется: не сумев распределить между собой нечто материальное, попутчики отказываются от этого вовсе, таким образом все же в высшем смысле разделяя участь героя. Этот своеобразный «ритуал наоборот» становится основанием сказать о незнакомых ранее людях как о «друзьях, вперед не приготовленных» [11, с. 156]. Об их тесной компании говорится: «сидели дачною семьей» [11, с. 156]. Перед нами редкий случай, когда духовное родство оформляется у К. Симонова в терминах родства кровного.

Тематический комплекс товарищества-братства напрямую связан с пространством дома. Эта связь проявляется даже помимо воли автора, внося логические противоречия в текст. Так, герой и летчики пьют чай «под ветками с лимонами» [11, с. 156], т. е. находятся под открытым небом. Но в финале герои показаны уже в другом пространстве, хотя описана та же ситуация: «Далекий мир. Далекий дом, / И Черное, и Балтика... / Лениво плещет за окном / Чужая Адриатика» [11, с. 156]. Пространство четко поделено на свое и чужое, между ними вода, и герои оказываются словно в ином мире. Но все же они защищены от чужого пространства кровлей и стенами. Это небольшое несоответствие свидетельствует о важности для К. Симонова связи категории дружбы с пространством дома.

Устойчивость связи образов подтверждается их соединением в стихотворениях «Хозяйка дома» (1942), «Дом в Вязьме» (1943), «Встреча на чужбине» (1945), «Дом друзей» (1954). Во «Встрече на чужбине» именно свидание соотечественников позволяет провести границу между своим и чужим вопреки логике географической, но в полном соответствии с логикой мифопоэтической: «Мы всех усадим, потому что тут — / Россия, а за дверью — за граница» [11, с. 158]. Важно, что из бытовых примет встречи выбраны единение за столом и возлияние: «И мы сидим у сдвинутых столов, / И тесно нам, и водка в чашках чайных» [11, с. 158].

В стихотворении «Хозяйка дома» мирно соединяются темы дружбы и любви. В описание ключевого ритуала дружбы — объединения за общим столом — К. Симонов вносит некоторый аграмматизм. Поэт ставит в центр группы товарищей и стол как предмет сакральный, и женщину как хранительницу священного пространства дома: «Хочу, чтоб ты и в эту ночь была / Опять той женщиной, вокруг которой / Мы изредка сходились у стола» [11, с. 189]. Важно, что дружба не терпит неравенства. Поэтому

по молчаливому уговору с возлюбленной герой не демонстрирует своих отношений с ней друзьям: «Мы собирались здесь как равные, потом / Вдвоем — ты только мне была дана судьбою, / Но здесь, за этим дружеским столом, / Мы были все равны перед тобою» [11, с. 191]. В этом стихотворении совмещаются и высокий миф о Вечной женственности, и фольклорный сюжет о девице у разбойников, который хорошо известен по «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина.

«Дом в Вязьме» — ключевой текст для раскрытия авторского понимания товарищества. Именно здесь связь обряда скрепления дружбы с пространством дома получает свое полное воплощение и дом обретает черты сакрального пространства. В произведении эксплицирован кодекс дружбы и кодекс чести: «В ту ночь, готовясь умирать, / Навек забыли мы, как лгать, / Как изменять, как быть скупым, / Как над добром дрожать своим» [11, с. 153]. Основой и в то же время ритуальным закреплением дружбы является разделение всего, что ниспослано — материального и нематериального: «Хлеб пополам, кров пополам / Так жизнь в ту ночь открылась нам» [11, с. 153]. В описании этой встречи очевидны ритуальные приметы: упомянут неизменный стол как место, у которого друзья навек запечатлены в памяти друг друга, и образ преломления хлеба.

Сама ночь, проведенная в доме, осмыслена как таинство. Фраза «жизнь открылась» легко переформулируется с помощью лексики другого стиля и наполнения — речь идет об откровении. Идея просветления перед лицом смерти очень важна для всей поэзии К. Симонова. При первой публикации за рассказом о ночи следовала строфа: «Крылами смерти осенен, / Солдатской дружбой освящен, / Был пробным камнем этот стол / Для тех, кто в бой наутро шел» [11, с. 568]. Автор прямо осмысляет эту ночь как сакральное время, а дом — с его центром, столом — как священное место (причастию «освящен» в контексте стихотворения возвращается буквальное значение).

Ночь в доме воссоздана в первой части стихотворения. Вторая и третья посвящены восстановлению разрушенного дома (разумеется, в складчину) и испытаниям дружбы. Дом продолжает изображаться как материальное пространство, хотя понятна его умозрительная природа. Важно, что новый дом должен повторить старый во всех деталях, из них названы три: печь, стол и заклеенное накрест окно. Первые две можно отнести к атрибутам сакральным. По наблюдениям А. К. Байбурина, диагональ «красный угол — печь» прочерчивала линию от света (востока или юга) к тьме (западу или северу) и соотносила микрокосм жилища с макрокосмом [2, с. 128] («закрепленность стола за красным углом специфически восточнославянская черта» [2, с. 153]). Окно в семиотике жилища было значимо как пороговое пространство. Укрепление же стекол принадлежит к острохарактерным приметам военного времени, однако при восстановлении дома должно быть воссоздано и оно. Такое возвышение случайного до сущностного говорит о сакрализации объекта в целом.

Восстановленный дом должен стать местом испытаний для тех, кто нарушил кодекс, не отдал рубашку, не преломил с друзьями хлеба («хлеб не поделит пополам» [11, с. 153]) или вознесся, находясь «в чинах больших» [11, с. 153]. Вновь издревле сформированные этические постулаты, отсылающие к Библии, соседствуют с приметами времени. Приговоренный солдатским судом к испытанию, изменивший товарищ проходит его в пространстве дома: за столом с ним сидит только совесть. Этот акт случит одновременно испытанием и, для допущенного к нему, очищением. Сначала скажем о втором: возвращение к прежним ценностям происходит через смену бытийных ориентиров. За столом все опять видится в соседстве с предстоящей смертью и получает свое подлинное значение. Эта установка неожиданно оказывается близка идеям экзистенциализма.

Но в финале оказывается, что альтернативой очищению является не глухота к голосу совести и неспособность переродиться после ночи, проведенной в заветном доме, а нежелание (или невозможность?) просто преодолеть его порог: «Коль не был, — совесть не чиста» [11, с. 154]. Нравственная нечистота словно мешает войти в жилище, что еще более подчеркивает его сакральный статус. В финале это особенно заметно, ведь, чтобы вернуться в семью друзей, не нужно подтверждать внутреннее перерождение, достаточно сказать о доме: «Я там был». Стихотворение «Дом в Вязьме», таким образом, наиболее масштабно воссоздает идею товарищества как объединения неким священным ритуалом. Но отметим, что первенство имеет не столько сакральное место, сколько время — порог смерти.

В послевоенном «Доме друзей» дом выступает одновременно и как синоним семьи, и как локус, и как персонифицированный субъект — действующее лицо. Товарищество замкнуто в эти волшебные стены, друзья словно не встречаются в ином пространстве. И снова одной из главных черт друзей становится умение делить буквально все: «Где бывает и густо, бывает и пусто, / Чего нет — того нет, а что есть — пополам» [11, с. 259]. Друзья проявляют такие черты, как небрежение к внешнему статусу (успеху и неудаче), высокая чуткость и правдивость: «Где, пока не расскажешь, допросов не будет, / Но попросишь суда — прям, как штык, будет суд» [11, с. 259]. Теперь друзья встречаются не «в походе» — дом дает пристань «на житейском большом переходе», «при житейской непогоде» [11, с. 259]. Это помещение дома не на пути, не в центре испытаний, но вдали от них знаменует новую черту в мышлении К. Симонова. Однако идея двойничества, близкочуждкости друзей у поэта сохраняет значимость, ведь единственной формой благодарности друзьям является повторение их действий: «Сделать собственный дом тоже домом друзей» [11, с. 259].

В 1950-е гг. К. Симонов создаст несколько стихотворений о ложной дружбе: «Дружба — дружбой, а служба — службой...» (1954), «Анкета дружбы» (1956), «Друг-приятель» (1954). Последнее, посвященное дразням партийных проработок, содержит все те же устойчивые образы, которые, однако, объективно утрачивают сакральную силу. Для описания прежних отношений привлекается библейская образность, столь значимая в «Доме в Вязьме»: «Он и сегодня как вчера рубашкою поделится». После вспоминается, что герои связаны самым святым и нерушимым — общей войной: «Что в жизни не одни вершки — / И труд и бой делили» [11, с. 271]. Элементы ритуального поведения теперь легко профанируются, что делает это внешне проходное стихотворение трагедийным, поскольку в нем взяты под сомнение базовые ценности художественного мира К. Симонова. Однако хронологически оно не является последним в группе произведений о дружбе. В позднейших — «Умирают, друзья, умирают...» (1970), «Вот тебе и семьдесят, Самед!..» (1976) — святость многих категорий восстанавливается.

За небольшим исключением стихотворения К. Симонова о товариществе не знают категории индивидуального характера. Здесь нет познания «другого» в его своеобразии и несходстве с тобой. Товарищей объединяет общность испытаний и того кодекса, который позволяет одинаково поступать в сложных ситуациях. Перед лицом смерти люди ищут свои ценности в другом, по сути себя в другом, что в одночасье роднит их.

Идея равенства распространяется и на душевную жизнь. Кроме «Хозяйки дома», можно назвать такие в некоторых аспектах парадоксальные произведения, как «Меня просил попутчик мой и друг...» и «Открытое письмо». В обоих посторонние вторгаются в сферу чужих любовных чувств и могут «замещать» в этих взаимоотно-

шениях товарищей. Безусловно, за этим стоит и реальная практика военных лет, когда написание самых интимных писем могли доверить другому, веря и зная, что все живут общими чувствами, но кто-то сможет выразить их точнее. Уже фраза из первой строчки стихотворения, «попутчик и друг», подтверждает, что дружба измеряется не количеством проведенных вместе лет. Не глубина проникновения в другого, а общая доля дают возможность написать любовное письмо жене друга-попутчика. В «Открытом письме» измена чужой жены болезненно действует на однополчан не только потому, что бросает тень сомнения на их собственных возлюбленных. Герои чувствуют себя двойниками убитого. Потому возможны фразы: «Ведь мы за вас с ним умирали» [11, с. 149], «Так я от имени полка / Беру его слова обратно» [11, с. 151].

В цикле «С тобой и без тебя» существование человека на войне представлено через иную, принципиально индивидуальную призму; может быть, поэтому стихотворение «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» долго включалось автором в этот цикл (выведено в 1955-м г.). Стихотворение об осмыслении понятия «Родина», об ответственности и вине начинается с пронзительно личного обращения, беспрецедентного у К. Симонова. Важна адресация стихотворения — это исповедь перед другом. А настойчивые анафоры «Ты помнишь?..», «Ты знаешь?..» [11, с. 120–122] говорят об интересе к субъективному миру другого и в то же время о допущении, что общие испытания породили различные чувства. Индивидуальный характер воссоздан и в стихотворении «Был у меня хороший друг...», входящем в цикл «С тобой и без тебя».

Уже в «Хозяйке дома» возникает несовпадение общей и индивидуальной судьбы, товарищества и любви, но этот конфликт преодолен мудростью женщины. Любовь вознесена над всеми другими человеческими связями в стихотворении «Жди меня». Друзья отнесены к кругу тех, кому не дана спасающая вера. Важно, что и в этом случае они объединены ритуальным действием («Выпьют горькое вино / На помин души...» [11, с. 175]), в котором не должна участвовать возлюбленная, чтобы не осквернить своего ожидания.

В стихотворении «Когда на выжженном плато...» поэт впервые встает перед необходимостью сравнить ценность дружеского и любовного чувства. Кажется, к этому его вынуждают ревнивые товарищи. Но предположительность действия позволяет высказать гипотезу, что ревнивый упрек рождается в сознании самого героя:

Чтоб не сказали мне друзья,
Все разделявшие в судьбе:
— Она вдали, а рядом — я,
Что эта женщина тебе?

[11, с. 192]

Заметим, что основа дружбы остается той же — деление судьбы. Избежать обвинений поможет только присутствие героини рядом, присутствие нематериальное, но в мифопоэтической системе координат не менее реальное. Ее душа должна пережить с любимым бомбежку, вытащить его из-под огня и незримо участвовать в «ритуале»: «Она, ты не видал ее, сидела третьей за столом» [11, с. 193]. Отметим, что в данном случае противопоставление двух сфер снимается через приобщение женщины к сфере дружбы. Для описания отношений с возлюбленной используются детали, составляющие часть знакового действия:

Чтоб ты со мной делила хлеб,
Делила горести до слез.
Чтоб слеpla ты, когда я слеп,
Чтоб мерзла ты, когда я мерз...
[11, с. 192]

От возлюбленной требуется полное тождество опыта, именно тогда она сможет разделить дружеский стол. Это проливает свет и на концепцию дружбы, опирающуюся на близнецный миф.

В целом, модель военного товарищества в поэзии К. Симонова воплощает архетип двойников-близнецов, который С. З. Агранович и И. В. Саморукова считают сугубо русским: «Близнецное двойничество можно назвать РУССКИМ ТИПОМ, который в уникальной художественной структуре воплощает специфику трагической соборности русского менталитета» [1, с. 59]. Для этого типа характерны актуализация «в те периоды, когда над целыми социальными группами, а то и над всей нацией нависает угроза тотального уничтожения, физической или духовной смерти» [1, с. 47], связь с «идеей общей судьбы» [1, с. 49] и тенденция к превращению пары героев в «гиперблизнецную массу» [1, с. 49]. Существенное отличие концепции дружбы у К. Симонова от выявленного исследователями архетипа состоит в том, что, несмотря на его актуализацию в эпоху испытаний, поэт не воспринимает происходящее как гибель мира, его волевая позиция не допускает пессимизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Агранович С. З., Саморукова И. В. Двойничество. Самара: Самарский ун-т, 2001. 132 с.
- 2 Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.
- 3 Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
- 4 Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 165 с.
- 5 Вишневская И. Л. Константин Симонов. Очерк творчества. М.: Сов. писатель, 1966. 184 с.
- 6 Горбовский А. Магия и власть // Знамя. 1998. № 11. С. 194–210.
- 7 Домострой. Поучения и наставления всякому христианину. М.: Ин-т русской цивилизации, Родная страна, 2014. 448 с.
- 8 Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры: праздник и игра в жизни севернорус. крестьянина (XIX–XX вв.). М.: ИНДРИК, 2004. 920 с.
- 9 Прокофьев А. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. 591 с.
- 10 Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 319 с.
- 11 Симонов К. М. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1982. 623 с.
- 12 Страхов А. Б. Культ хлеба у восточных славян. Опыт этнолингвистического исследования. Munchen: Verlag Otto Sagner, 1991. 252 с.
- 13 Сурков А. А. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1: Стихотворения, 1925–1945. Маленькие поэмы. 622 с. М.: Худож. лит., 1979. Т. 2: Стихотворения, 1946–1974. Песни. Избранные переводы. 623 с.

- 14 Толстая С. М. Братство по Богу // Славянские народы: общность истории и культуры. М.: Индрик, 2000. С. 44–52.
- 15 Уткин И. П. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1966. 380 с.
- 16 Юзефович Л. А. Как в посольских обычаях ведется. Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М.: Международные отношения, 1988. 214 с.

***

© 2022. Inessa N. Korzhova
Moscow, Russia

**“BREAD AND HOUSE, SHARED ALIKE...”:
MYTHOPOETIC ASPECT OF UNDERSTANDING FRIENDSHIP
IN K. SIMONOV’S POETRY**

Abstract: The paper examines the poems of K. Simonov dedicated to the theme of friendship. They share high stability of semantics, leitmotif connections and speech embodiment. The strongest is the connection between the themes of friendship and death. It is not the community of views and similarity of characters, but the unity of trial by death, that constitutes the basis of comradeship. The act of dividing bread, less often beverage, is recurrent in the description of the life of friends. The stability of this component, its interpreting as an action that binds friendship, transfers it from the everyday plan to the ritual one and requires an appeal to the mythopoetic approach. The paper examines religious and folk variants of the rite of breaking bread and takes into account the reflection of this mythologeme in a Soviet poetry. We conclude that a poet does not reproduce any real rite, but uses a dominant in the folk consciousness connection of bread with a collective fate and lot. Friendship is conceived by Simonov as an introducing to a common destiny. This leads to the deindividualization of friends’ image and the opposition of friendship to a personal category of love highlighted in a number of poems.

Keywords: Simonov, friendship, lot, ritual, image of the house, breaking bread, doppelgangers, twin myth.

Information about the author: Inessa N. Korzhova — PhD in Philology, Associate Professor, Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Leningradsky Ave, 80, 125190 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6368-6888>
E-mail: clean24@yandex.ru

Received: December 03, 2020

Approved after reviewing: January 14, 2021

Date of publication: March 28, 2022

For citation: Korzhova I. N. “Bread and house, shared alike...”: mythopoetic aspect of understanding friendship in K. Simonov’s poetry. *Vestnik slavianskikh kul’tur*, 2022, vol. 63, pp. 221–233. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-221-233>

REFERENCES

- 1 Agranovich S. Z., Samorukova I. V. Dvoinichestvo [Duality]. Samara, Samarskii universitet Publ., 2001. 132 p. (In Russian)

- 2 Baiburin A. K. *Zhilishche v obriadakh i predstavleniakh vostochnykh slavian* [Dwelling in rites and beliefs of the Eastern Slavs]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 191 p. (In Russian)
- 3 Baiburin A. K. *Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov* [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of the East Slavic rites]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 237 p. (In Russian)
- 4 Baiburin A. K., Toporkov A. L. *U istokov etiketa: etnograficheskie ocherki* [At the Sources of Etiquette. Ethnographic Essays]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 165 p. (In Russian)
- 5 Vishnevskaja I. L. *Konstantin Simonov. Ocherk tvorchestva* [Konstantin Simonov. Essay of creativity]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1966. 184 p. (In Russian)
- 6 Gorbovskii A. *Magiia i vlast'* [Magic and power]. *Znamia*, 1998, no 11, pp. 194–210. (In Russian)
- 7 *Domostroi. Poucheniia i nastavleniia vsiakomu khristianinu* [Domostroy. Teachings and instructions to every Christian]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii, Rodnaia strana Publ., 2014. 448 p. (In Russian)
- 8 Morozov I. A., Sleptsova I. S. *Krug igry: prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'ianina (XIX–XX vv.)* [The circle of game: holiday and game in life of the Northern Russian peasant (19–20 centuries)]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 920 p. (In Russian)
- 9 Prokof'ev A. A. *Stikhotvoreniia i poemy* [Verses and poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 591 p. (In Russian)
- 10 Sedakova O. A. *Poetika obriada. Pogrebal'naia obriadnost' vostochnykh i iuzhnykh slavian* [Poetics of rite: The funeral rites of Eastern and Southern Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 319 p. (In Russian)
- 11 Simonov K. M. *Stikhotvoreniia i poemy* [Verses and poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1982. 623 p. (In Russian)
- 12 Strakhov A. B. *Kul't khleba u vostochnykh slavian. Opyt etnolingvisticheskogo issledovaniia* [The cult of bread of the Eastern Slavs. Experience of ethnolinguistic study]. Munchen, Verlag Otto Sagner Publ., 1991. 252 p. (In Russian)
- 13 Surkov A. A. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1978. Vol. 1: *Stikhotvoreniia, 1925–1945. Malen'kie poemy* [Poems, 1925–1945. Little poems]. 622 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1979. Vol. 2: *Stikhotvoreniia, 1946–1974. Pesni. Izbrannye perevody* [Poems, 1946–1974. Songs. Selected translations]. 623 p. (In Russian)
- 14 Tolstaia S. M. *Bratstvo po Bogu* [Brotherhood in God]. In: *Slavianskie narody: obshchnost' istorii i kul'tury* [Slavic peoples: common history and culture]. Moscow, Indrik Publ., 2000, pp. 44–52. (In Russian)
- 15 Utkin I. P. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poetries and poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1966. 380 p. (In Russian)
- 16 Iuzefovich L. A. *Kak v posol'skikh obychaiakh vedetsia. Russkii posol'skii obychai kontsa XV – nachala XVII v.* [In keeping with the Embassy customs. Russian Embassy custom of the late 15th – early 17 century]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1988. 214 p. (In Russian)